

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Что исследование п

М. Эллман

Что исследование переходных экономик дало мейнстриму экономической теории?*

В статье на примерах показано, что опыт посткоммунистической трансформации и спровоцированные ею академические и прикладные дискуссии оказались полезны для экономической теории мейнстрима. Были, в частности, пересмотрены взгляды на роль государства и социальной политики, институтов и банковской системы в экономическом развитии, по-новому стали рассматриваться эффективность приватизации, зависимость от предшествующего развития и функции политических элит в проведении институциональных реформ. Показано, какие из рекомендаций международных консультантов оказались неадекватны в процессе трансформации и почему.

Ключевые слова: страны с переходной экономикой, институты, реформы.
JEL: E02, F35, O19, P21, P26, P34, P36.

Переход от государственного социализма к капитализму или рыночному социализму имел поистине революционный характер и стал судьбоносным для стран, где проживает около четверти всего населения земного шара. Он также породил обширную академическую литературу. Ниже мы рассмотрим несколько идей, которые, как представляется, стали достоянием мейнстрима экономической науки в результате этих масштабных институциональных изменений.

Необходимость эффективного и подотчетного государства

Учитывая преобладающую роль государства при социализме, мы можем понять, почему изначально в посткоммунистических странах

Майкл Эллман (m.j.ellman@uva.nl), профессор Школы бизнеса Амстердамского университета (Нидерланды).

* Автор признателен за финансовую поддержку Министерству образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии, предоставившему грант (No. 23243032). Работа была написана для презентации на 52-й конференции Японской ассоциации сравнительных экономических исследований (JACES) в Токио в июне 2012 г., посвященной 50-летию JACES, и будет опубликована в январском номере *Japanese Journal of Comparative Economics* за 2013 г. Публикуется с разрешения редактора *Japanese Journal of Comparative Economics*. Автор благодарен П. Эллману, М. Харрисону, С. Хедлунду, П. Нолану и В. Конторовичу за полезные комментарии, однако ответственность за интерпретацию и возможные неточности по-прежнему несет только он сам.

отношение реформ: ослабить его влиянию рынку возможно, несостоительность идеологии неолибсоветники, по-видавторитарное госсам по себе, как и торговле. Как и только бюрократъ М. Фридмен пред это не решение, «номии»/теории о зачастую больше нежели интересовлин анализировал зачастую захваты К сожалению, т всемирного экономизма и той экон

Опыт трансфолов к государства старой системе в некоторых странах отсутствия эффекта неутешительны системы (Abel, Вдарства», то есть функций, необходимых в России отмена в 1991–1992 гг. налогов и таможни в государственном фискальные проблемы (Eatwell et al., 1990), российского государства и неравенство во мдесятилетия трансформации в начале третьего г

¹ Отчасти он был в Европе.

² Интересный анализ политической поляризации играют собираемые с населения бюджета, и того, собирать налоги с частично гораздо сложнее, не сводится к желанию Но успешный частный налогообложения (в ус

отношение реформаторов к государству было негативным. Они пытались ослабить его влияние в экономике и обществе, чтобы дать свободному рынку возможность развиваться. Это была не только реакция на несостоятельность старой системы, но отчасти оно было основано на идеологии неолиберализма. Некоторые реформаторы и их иностранные советники, по-видимому, сначала думали, что нужно только уничтожить авторитарное государство — и здоровый свободный рынок разовьется сам по себе, как результат описанной А. Смитом склонности к обмену и торговле. Как выразился Дж. Сакс, «рынки возникнут быстро, как только бюрократы-плановики уступят им место» (Sachs, 1993. Р. XIII)¹. М. Фридмен прежде пропагандировал идею о том, что государство — это не решение, а проблема. Приверженцы «новой политической экономии»/теории общественного выбора подчеркивали, что бюрократы зачастую больше озабочены преследованием собственных интересов, нежели интересов общества в целом. Кроме того, в рамках этих дисциплин анализировалась неэффективность регулирующих органов, которые зачастую захватывались теми, кого они были призваны регулировать. К сожалению, трансформация началась задолго до того, как в ходе всемирного экономического кризиса выявились недостатки неолиберализма и той экономической системы, оправданию которой он служил.

Опыт трансформации показал, что негативное отношение неолибералов к государству (и слабость государства, ставшая следствием краха старой системы, распада стран, в том числе СССР, существования в некоторых странах крайне поляризационной политической системы² и отсутствия эффективно работающих институтов) может привести к неутешительным результатам. Исследование венгерской банковской системы (Abel, Bonin, 1993) показало опасность «дезертирства государства», то есть ситуации, в которой оно отказывается от выполнения функций, необходимых для нормальной работы рыночной экономики. В России отмена государственной монополии на производство водки в 1991—1992 гг. при отсутствии эффективной системы сбора акцизных налогов и таможенных пошлин привела к существенной потере средств в государственном бюджете, что, в свою очередь, вызвало хронические фискальные проблемы и инфляцию в период президентства Ельцина (Eatwell et al., 1995. Р. 30—31). Печально известная неспособность российского государства контролировать коррупцию, преступность и неравенство во многом обусловили как экономические неудачи первого десятилетия трансформации, так и волнения и недовольство россиян в начале третьего постсоветского десятилетия (Поров, 2012; Путин, 2012).

¹ Отчасти он был прав, что показал быстрый рост нового рыночного сектора в Центральной Европе.

² Интересный анализ политической экономии переходного периода с акцентом на эффекты политической поляризации см. в: Frye, 2010. Ключевую роль в рассуждениях С. Фрай играют собираемые с нового частного сектора налоги (которые дают политикам стимулы для реформ). Но в некоторых странах рента от природных ресурсов выступает главным источником пополнения бюджета, и их сбор в результате приватизации может лишь усложниться. Более того, собирать налоги с нового частного сектора, состоящего из множества мелких предприятий, часто гораздо сложнее, чем со старого сектора. Желание трансформировать общество, конечно, не сводится к желанию собрать и перераспределить налоги с нового рыночного сектора. Но успешный частный сектор действительно создает занятость и выигрыш от косвенного налогообложения (в условиях эффективной налоговой системы).

Эти неутешительные уроки, а также сравнение опыта России и Китая (Nolan, 1995) постепенно приводят международное сообщество к осознанию важности эффективного государства, которое может осуществлять процесс трансформации и определять его направление. В 1997 г. Всемирный банк озаглавил свой доклад (World Development Report) «Государство в меняющемся мире». В нем утверждалось (Р. 1), что «эффективное государство абсолютно необходимо для обеспечения товаров и услуг — и правил и институтов, которые позволяют развиваться рынкам, а людям — жить более здоровой и счастливой жизнью. Без него невозможно устойчивое развитие, как социальное, так и экономическое». Это не новая мысль. Уже не раз указывалось, что сильное государство необходимо для нормально функционирующей рыночной экономики (см., например: Crouch, 1986). Но ангlosаксонские страны отказались от сильного государства под воздействием неолиберализма, и чтобы вернуться к этой идее, понадобились авторитет Всемирного банка и опыт реформ. В последние годы она находит поддержку и в экономической науке мейнстрима³.

Создать эффективное государство, которое было бы способно анализировать проблемы, находить их решения, а потом воплощать эти решения на практике, — непросто. Необходима эффективная бюрократия, хорошо оплачиваемая и компетентная⁴. Также помогает наличие судебной системы, которая способна подменить бюрократию и уладить разногласия между физическими и юридическими лицами⁵. В России характерным признаком начала 2000-х годов стали попытки укрепить «вертикаль власти», то есть добиться выполнения государственных решений. Несмотря на десятилетие попыток, все еще есть к чему стремиться, поскольку многие решения президента и премьер-министра по-прежнему игнорируются на низших уровнях (Monaghan, 2012).

В ходе трансформации мы также осознали, что нужно не просто государство, а такое государство, которое действует в интересах общества в целом — или, по крайней мере, в интересах большей его части. Серьезную опасность для многих переходных стран, особенно стран СНГ, представляет захват государства элитами, которые могут использовать его в своих корыстных интересах. Россия пережила сначала захват государства бизнесом, а затем захват бизнеса государст-

³ Вот цитата из ведущего экономического журнала: «Создание для государства способности (state capacity) собирать налоги и принуждать к выполнению контрактов играет важную роль в экономическом развитии... эту способность нельзя принимать как данность» (Besley, Persson, 2009. Р. 1239).

⁴ В 2004 г. оклады российских госслужащих возросли. Преследовалась цель повысить дисциплину и отвлечь их от дополнительной работы в частном секторе. Но оклады не удалось поднять до конкурентного уровня (особенно в Москве), не удалось эффективно использовать систему наград и поощрений (из которой оказались исключены 90% госслужащих), поэтому «качественного изменения в лояльности чиновников государству не произошло» (Кузьминов и др., 2005. С. 61). Олейник (2011. С. 319–321) отметил, что административная реформа 2001–2005 гг. в России способствовала повышению авторитета государства, но не привела к повышению его эффективности, измеряемой индексом коррупции Transparency International или индексами качества управления Всемирного банка.

⁵ Как отмечают Кузьминов с соавторами (Кузьминов и др., 2005. С. 41), «судьбу судебной реформы в Российской Федерации следует признать одной из наиболее печальных». После начала реформы в 1991 г. прошло уже 14 лет, но мы и по сей день не имеем независимой судебной власти, которая вызывала бы доверие бизнеса и населения».

вом (Yakovlev, 2005) рыночной экономии. Болгария также государства (Russia, 2005).

Владимир Путин прозрачности и публичности в свете многочисленных наблюдателей реальные возможны в руках безответственности и эффективностью работы и привилегиям⁶. С возникшей в России доступ к нему ко всем потокам, правоохранительное ведомство которое использует политической/политическую быть, конкуренции инвестиции не только властю и дохода дополнительного, вкладывается в и программы (нац) использование адекватного, что привносит элементарный капитализм по российской традиции граждан, не способными выборами и прогресс на уровне

Недавно были возможными выгоды (Ferraz, Finan, 2005), быть переизбраны стоят перевыборы формации доступ

Итак, о необходимости знали и до того, явили особую важ

Неожиданное признание институтов

⁶ Опросы общественного мнения показывают, что в 2005 году в России доминирует мнение о том, что влияние чиновников на политику в стране выше, чем в реальности.

опыта России (ное сообщество которое может направление. d Development кдалось (Р. 1), для обеспеченные позволяют и счастливой як социальное, указывалось,кционирующей с англосаксон- воздействием бились автори- бы она находит

и способно ана- воплощать эти ктивная бюро- могает наличие атию и уладить ами⁵. В России бытки укрепить государственных ть к чему стре- мьер-министра ghan, 2012). гужно не прос- ет в интересах ах большей его тран, особенно которые могут ссия пережила ненаса государст-

ударства способности играет важную роль ть» (Besley, Persson,

алась цель повысить о оклады не удалось активно использовать служащих), поэтому до» (Кузьминов и др., форма 2001–2005 гг. зла к повышению его ional или индексами

41), «судьбу судебной и печальных. После имеем независимой

вом (Yakovlev, 2006), и ни то ни другое не способствовало развитию рыночной экономики — предполагаемой цели процесса трансформации. Болгария также представляет собой пример устойчивого захвата государства (Rusinova, 2010. Р. 46–48).

Владимир Путин (2012) публично говорил о необходимости большей прозрачности и подотчетности государственных организаций. Однако в свете многочисленных сообщений о фальсификации выборов у многих наблюдателей появились сомнения в том, что у населения имеются реальные возможности влиять на государство. Государство остается в руках безответственных чиновников, которые мало озабочены эффективностью работы, уделяя гораздо больше внимания своим доходам и привилегиям⁶. Олейник (2011) указывает на специфический характер возникшей в России экономической системы: рынок существует, но доступ к нему контролирует государство (регулируя информационные потоки, правоохранительную систему, отдельные регионы и рынки), которое использует рынок для создания административной (бюрократической/политической) ренты. В результате цены выше, чем могли бы быть, конкуренция ограничена, инноваций немного, прямые иностранные инвестиции не торопятся в страну, зато чиновники наслаждаются своей властью и доходами. Не вся административная рента используется для дополнительного дохода чиновников и иностранных инвестиций. Часть вкладывается в инвестиционные проекты или популярные социальные программы (например, жилье, детские сады или лекарства). Такое использование административной ренты повышает рейтинг политиков, что привносит элемент популизма. Подобную систему можно назвать капитализмом по-русски. Она представляет собой компромисс между российской традицией сильного государства и почти полным бесправием граждан, не способных остановить властный произвол, между регулярными выборами и желанием элит потреблять и использовать технический прогресс на уровне современной рыночной экономики.

Недавно была обнаружена интересная взаимосвязь между возможными выгодами от политической подотчетности и прозрачностью (Ferraz, Finan, 2011). Оказывается, в Бразилии мэры, которые не могут быть переизбраны, гораздо более коррумпированы, чем те, кому предстоят перевыборы, и разница становится тем меньше, чем больше информации доступно избирателям (и чем выше вероятность наказания).

Итак, о необходимости эффективного и подотчетного государства мы знали и до трансформации. Но именно опыт трансформации выявил особую важность этого фактора.

Роль институтов

Неожиданным результатом анализа опыта трансформации стало признание *институтов* определяющим фактором экономического

⁶ Опросы общественного мнения в России среди как муниципальных, так и региональных чиновников (в 2005 г.) и среди населения (в 2007 г.) показывают, что в обеих группах доминирует мнение о том, что чиновники больше заинтересованы в собственном доходе, богатстве и влиянии, чем в реализации интересов государства и общества (Олейник, 2011. С. 105).

развития. Изначальные «три кита» трансформации — стабилизация, либерализация и приватизация — основывалась на макроэкономике (стабилизация); микроэкономике (либерализация); экономике прав собственности, «новой политической экономии»/теории общественного выбора и тэтчеризме (приватизация), а также на опыте стран Латинской Америки. Трансформационный спад (Kornai, 1994) и особенно его глубина и длительность в странах СНГ привели к пониманию неполноты этой картины⁷.

Столь масштабный спад был вызван именно институциональными факторами (Schmieding, 1993). Он не мог быть обусловлен объемом факторов производства (который не изменился), недостаточной их мобильностью или жесткостью цен, как считали неоклассики. Формальный аппарат исследования этих вопросов, в котором институциональная структура экономики принята за данность, не позволял объяснить сложившуюся ситуацию. Но и кейнсианские факторы здесь ни при чем. Ни недостаточный совокупный спрос, ни кризис ликвидности не объясняют глубину и продолжительность трансформационного спада. На самом деле трансформация была институциональной революцией (Schmieding, 1993; North, 1990; 1993). В ходе нее важные для прежней экономической системы институты были разрушены и созданы новые. Если первый процесс опережал второй, возникал институциональный вакуум, что оказывало неблагоприятное воздействие на экономическую активность (см. также: Intriligator, 1996). Введение институциональных факторов для объяснения экономического роста стало радикальной инновацией в теории роста, в которой традиционно акцент делали на доступе к факторам производства, эффективности их использования и техническом прогрессе.

В ходе анализа 20 переходных экономик в 1993—1995 гг. была выявлена положительная связь между устойчивостью правил и отсутствием неожиданных политических решений (credibility), с одной стороны, и экономическим ростом и особенно ростом прямых иностранных инвестиций — с другой (Bquinetti et al., 1997). Авторы пришли к выводу, что обеспечение надежных институциональных правил игры может быть важным условием успешной трансформации и экономического развития бывших плановых экономик. В другой работе были проанализированы 25 переходных экономик в 1990—1998 гг. Выяснилось, что «качество институтов (особенно формальных) является значимым фактором экономического роста и динамики прямых иностранных инвестиций, которые сами очень важны для роста. Корреляция между качеством институтов и ростом скорее всего является причинно-следственной связью» (Grogan, Moers, 2001. Р. 341). Было показано, что качество институтов больше влияет на экономический рост и инвестиции в стране, чем множество переменных, которые раньше считались определяющими.

⁷ Заметим, что Дж. Уильямсон (Williamson, 1992. Р. 12), который сформулировал столь широко критиковавшийся Вашингтонский консенсус, сразу отметил важность институциональных изменений в рамках трансформации и их последствий для экономической науки: «Если предмет экономической науки что-то и включит в себя после событий в Восточной Европе, то это будет новое понимание институциональных основ рыночной экономики».

Эти выводы мирного банка в «рынков». Но посл банка на многие рыночные институты (Chang, 2011). На кого роста, предложенные рекомендациях, с 2009). Китай не выделил сформулированных эконометрических в Китае не отделена от права собственности менее экономика Китая наличием одного централизации системе. Этот при институты и не существуета Э. Остром, «проведения политических институциональных ситуаций. Разработка неэффективных

Общее осознание процесса трансформации, как описана показано, что монополии необходимы после разрушения институтов не только стороны индивидов с рыночной экономикой

Примером может служить институт неплатежеспособности. Государство стало выживания в экономике было в условиях исчезновения этого нерыночного института лишь тогда, когда мировых цен на него не платят по счетам, и

Итак, важность процесса трансформации мейнстрима не следует отрицать. В ней акцент сдвигается с максимизации производительности на максимизацию экономики. Трансформация,

табилизация, кроэкономике экономике прав и общественопыте стран, 1994) и осок пониманию

циональными объемом факж их мобильь. Формальный тиональная ял объяснить здесь ни при квидности не онного спада. й революцией для прежней зданы новые. уиональный кономическую тиональных радикальной жт делали на спользования

1995 гг. была правил и отtility), с одной рямых иностсторы пришли правила игры и экономичессте были про Выяснилось, гся значимым иностранных реляция межжся причинно-Было показанческий рост торые раныше

и сформулировал важность инстиюмической науки: «тий в Восточной экономики».

Эти выводы быстро стали новой ортодоксией. Так, доклад Всемирного банка в 2002 г. был озаглавлен «Построение институтов для рынков». Но последовавшее за этим давление со стороны Всемирного банка на многие страны с тем, чтобы они переняли либеральные рыночные институты по типу США, вызвало большие разногласия (Chang, 2011). Например, утверждалось, что в концепции экономического роста, предложенной Всемирным банком, как и в его политических рекомендациях, слишком мало внимания уделено азиатскому опыту (Ito, 2009). Китай не вписывается в стандарты институционального развития, сформулированные в рамках Вашингтонского консенсуса или в недавних эконоиметрических межстрановых исследованиях (Xu, 2011). Государство в Китае не отделено от бизнеса, верховенство закона и формальная защита прав собственности обеспечены плохо, коррупция повсеместна. Тем не менее экономика Китая демонстрирует невероятный рост. Объясняется он наличием одного очень эффективного института, а именно региональной децентрализации при авторитарной и централизованной политической системе. Этот пример показывает, как важно использовать имеющиеся институты и не судить всех по стандартам округа Колумбия. Как отмечала Э. Остром, «применение выводов эмпирических исследований для проведения политики заставляет вспомнить о том, что важно встраивать институциональные правила в специфическую социально-экологическую ситуацию. Разработанные однажды и для всех политические рекомендации неэффективны» (Ostrom, 2010. Р. 642).

Общее осознание важности институтов в определении направления процесса трансформации стимулировало огромную эмпирическую работу, как описательную, так и эконоиметрическую. Кроме того, было показано, что может не оправдаться надежда на спонтанное появление необходимых для эффективной рыночной экономики институтов после разрушения старой системы. Отсутствие работающих рыночных институтов не только ведет к рентоориентированному поведению со стороны индивидов и фирм, но и может создать новые, несовместимые с рыночной экономикой институты (Polishchuk, 1997).

Примером могут служить неплатежи в 1990-х годах в России. Экономический институт неплатежей некоторое время считался приемлемой формой поведения. Государство стало его частью, отказываясь платить по обязательствам паемным служащим и поставщикам. Неплатеж стал оригинальным и успешным механизмом выживания в экономике, которая по ряду неблагоприятных для нее причин не выжила бы в условиях нормальной платежной дисциплины (Ellman, 2006. Р. 7–8). Но этот нерыночный институт несовместим с рыночной экономикой. От него отказались лишь тогда, когда резкое обесценение валюты, снижение оттока капитала и рост мировых цен на нефть и природный газ повысили роль фирм, которые вовремя платят по счетам, и увеличили доходы государства от налогообложения.

Итак, важным теоретическим итогом размышлений по поводу процесса трансформации стало понимание того, что экономическая теория мейнстрима не слишком хорошо подходит для анализа трансформации. В ней акцент сделан на рациональных индивидах и фирмах, которые максимизируют свои целевые функции в условиях стабильной рыночной экономики. Все институты неявно предполагаются заданными. Трансформация, при которой ключевые экономические институты быстро

меняются, лишь отчасти вписывается в эту картину⁸. Но и кейнсианская экономическая теория, описывая инструменты, при помощи которых мудрое, работающее на благо общества правительство способно сгладить колебания экономической активности, не так много может сказать о природе экономических институтов и их изменении во времени. Очевидно, она не была слишком уместна в середине 1990-х годов в России, которая в тот период представляла собой «уникальное квазигосударство, все элементы, составные части которого работают на реализацию исключительно частных или групповых интересов» (Леонтьев, 1994. С. 159). При трансформации больше внимания необходимо уделять построению институтов и избегать возможных неблагоприятных последствий институционального вакуума, иначе есть риск увеличения переходного периода и снижения показателей экономики. Более того, единственно правильного набора совершенных институтов нет. Эффективные институты должны строиться на основе местной истории и обстоятельств.

В недавно выпущенной книге по экономической методологии сделан вывод, что «хотя в небольшом масштабе, таком как американский рынок выбросов диоксида серы или дизайн аукционов, экономисты добились успеха, у них гораздо меньше полезных рекомендаций для тех проблем, которые затрагивают общество целиком, работа с которыми зависит от сложной сети социальных и экономических институтов. Возможно, не было ни времени, чтобы разработать институты с менее катастрофическими последствиями при переходе к капитализму, ни политической силы, чтобы построить их, но что точно не помогло, так это доминирование абстрактных теорий и характерное для экономической науки пренебрежение к тому, благодаря каким именно институтам нормально функционирует капитализм» (Backhouse, 2010. Р. 50).

Зависимость от предшествующего развития

Идею зависимости от предшествующего развития предложил П. Дэвид (David, 1985). С неоклассической точки зрения она была аномалией. В мире совершенного предвидения и оптимизации не было места для ситуаций, в которых требовалось бы изучать исторические процессы. Некоторые исследователи (Hedlund, 2005; 2011; Brancato, 2009) утверждают, что для понимания российского опыта трансформации необходимо знать российскую историю. Эти авторы рассматривают российское экономическое развитие как зависящий от предыдущей траектории процесс, в ходе которого периодически возникают реформы, нацеленные на фундаментальные институциональные изменения, и контреформы. С их точки зрения, это объясняет, почему Россия до сих пор не стала рыночной экономикой и не станет ею, несмотря на рекомендации МВФ и желание некоторой части российского общества.

⁸ Ограничения неоклассической теории роста полностью осознавали два создателя исследовательской программы DSGE (динамического стохастического общего равновесия) Кюлланд и Прескотт (Kyland, Prescott, 1996. Р. 72). Они утверждали, что неоклассическая теория роста была полезна в освещении некоторых проблем, но «не работает при попытке объяснить вопросы экономического развития». Поскольку цель моделей DSGE — не описать реальность точно и во всей ее сложности, а создать возможность эксперимента, поскольку тот факт, что они отвечают на некоторые количественные вопросы, но не могут ответить на все, не фатальный. Но даже с точки зрения сторонников этой концепции она не в состоянии объяснить многие аспекты экономической жизни, в том числе институциональную трансформацию.

В этих рабо
правления (цар
ный разрыв меж
ва закона, несп
обязательства, г
благополучием и
явления. Утверже
ресурсов отвечает

Этот взгляд
также указывает
России. Но он за
и отклониться от
советской систем
ществующие отны
в результате сози
возникновение б
стереотипами, при
лизовали люди,

Очевидно, ч
приоритет военно-
нятые политическо
во-первых, россий
катастрофична. И
преуспела. В отл
не была завоевана
игроков на междуна
завоевать ее, пре
кончились провалы.
за время высокие
внутреннего потре
инвестиций. Соврем
газа и металлов,
видны на московск
и в Средиземном
зависимость экологии
Россию уязвимой
и природного газа
ники и бизнесмены

Во-вторых,
ния рыночной эко
элементы здесь у
распада СССР. И
производящая в
успешно продает

Тем не менее
заставляет пред
денного пути вы
и поддержанием
того, что в учеб

сейнсианская
и которых
было сгладить
казать о при-
и. Очевидно,
сии, которая
дарство, все
ацию исключ-
994. С. 159).

зывод, что «хотя
ксиды серы или
полезных реко-
бота с которыми
можно, не было
последствиями
их, но что точно
же для экономи-
утам нормально

я

и предложил
ия она была
ации не было
исторические
rancato, 2009)
формации не-
являют россий-
ей траектории
и, нацеленные
янтреформы.
пор не стала
ндации МВФ

ли два создателя
щего равновесия)
неоклассическая
таст при попытке
;GE — не описать
гта, поскольку тот
ответить на все, не
стояний объяснить
информацию.

В этих работах подчеркиваются устойчивость автократического правления (цари, генеральные секретари, президенты), постоянный разрыв между государством и народом, отсутствие верховенства закона, неспособность государства брать на себя достоверные обязательства, приоритет военной безопасности над материальным благополучием и социальные нормы, которые лишь усугубляют эти явления. Утверждается, что в России по-прежнему за распределение ресурсов отвечают иерархии и сети, а не рыночные силы.

Этот взгляд распространен не только на Западе. Олейник (2011) также указывает на важность предшествующего развития в случае России. Но он замечает, что история не полностью детерминирована и отклониться от траектории хотя и трудно, но все же можно. Крах советской системы и переход к рынку стали важным изменением, а существующие отношения между государством и бизнесом сложились в результате сознательных решений и не были предопределены. Их возникновение было спровоцировано унаследованными из прошлого стереотипами, представлениями руководства и населения, но их реализовали люди, которые могли поступить иначе.

Очевидно, что автократическое правление, имперские амбиции, приоритет военного развития и враждебность к рынку повлияли на принятые политические решения и поведение правительства и населения. Но, во-первых, российская неспособность стать обществом западного типа не катастрофична. Наоборот, с исторической точки зрения, Россия весьма преуспела. В отличие от многих других незападных обществ Россия не была завоевана Западом и с XVIII в. является одним из ключевых игроков на международной арене. Попытки «цивилизованной Европы» завоевать ее, предпринятые Карлом XII, Наполеоном и Гитлером, закончились провалом. Более того, огромные природные ресурсы России за время высоких мировых цен создали возможность финансирования внутреннего потребления, прочих государственных расходов и внешних инвестиций. Современная Россия зависит от экспорта нефти, природного газа и металлов, но создает богатства, которые невооруженным глазом видны на московских улицах, при взгляде на загородные виллы в России и в Средиземноморье. «Русская болезнь» (Kuboniwa, 2012), то есть зависимость экономического роста от мировых цен на нефть, делает Россию уязвимой к их падению, но на высокие доходы от продажи нефти и природного газа можно вовремя платить пенсии и зарплату, а чиновники и бизнесмены с нужными связями могут невероятно обогащаться.

Во-вторых, детерминистически утверждая невозможность создания рыночной экономики в России, мы игнорируем тот факт, что ее элементы здесь уже существовали — до 1914 г., в 1920-е годы и после распада СССР. Например, в современной России существует компания, производящая всемирно известную антивирусную программу, которая успешно продается и конкурирует на мировом рынке.

Тем не менее поразительная преемственность в российской истории заставляет предположить, что в случае России зависимость от прошедшего пути выступает очень важным элементом при формировании и поддержании экономической системы, которая и сегодня далека от того, что в учебниках называют рыночной системой.

Холистическая социальная инженерия⁹

В своих весьма влиятельных и популярных книгах «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма» К. Поппер писал о превосходстве социальной инженерии частных решений (*piecemeal social engineering*) над холистической или утопической социальной инженерий (иными словами, реформы над революцией). Во многих отношениях трансформация была именно таким типом социальной инженерии, который отрицал Поппер. Уверенные в собственной правоте и вооруженные своими доктринаами, неолибералы собирались перестраивать целые общества по готовому плану — Вашингтонскому консенсусу (Williamson, 1989; 1994). Но в некоторых странах прогнозы последователей Поппера не оправдались, и холистическая социальная инженерия оказалась весьма успешной. Несмотря на макроэкономические и социальные проблемы, капитализм в этих странах был построен, а сами страны стали считаться «вернувшимися в Европу». Это показывает, что существует два типа холистической социальной инженерии: утопическая и копирующая (*imitative*).

Утопическая социальная инженерия ставит своей целью перестройку общества по плану, который существует лишь в головах самих инженеров, но который никогда не был реализован ни в одном обществе и, возможно, нереализуем в принципе. Предложенная Поппером критика в этом случае оправданна. Копирующая холистическая социальная инженерия, с другой стороны, пытается перестроить общество на основе институтов и политик, которые уже где-то существуют и успешно работают. Хотя идеи Поппера сохраняют здесь некоторое значение, опыт трансформации показывает, что в частных случаях этот тип социальной инженерии может быть успешен. Более того, по мнению таких авторов, как польский министр финансов в 1989—1991 гг. Л. Бальцерович (Balcerowicz et al., 1997), он имеет преимущество: в периоды смены режима (или «чрезвычайной политики») существует «окно возможностей» (Roland, 1994; Frydman, Rapaczynski, 1997; Roland, 2000. Ch. 2), когда можно легко сделать то, что в другие времена будет сделано труднее.

Однако, сравнив опыт России и Польши, российские экономисты видят ситуацию иначе. В работе, подготовленной к отчету спонсируемой Всемирным банком и МВФ конференции, Кузьминов с соавторами (2005. С. 5) утверждали:

«В начальный период реформ в России распространилось довольно радикальное экономическое мировоззрение, согласно которому можно ускоренными темпами перестроить институциональную структуру общества, если проявить политическую волю и подойти к делу рационально, отобрав наиболее эффективные институциональные образцы. Сегодня мы понимаем, что попытка подобной революционной ломки институтов привела к противоречивым результатам. Наряду с позитивными преобразованиями возникло множество непредвиденных последствий, слишком высокими оказались социальные издержки реформ, не удалось также обеспечить желанного рывка в экономическом развитии».

⁹ В этом разделе развиваются мысли из нашей давней статьи (Ellman, 1997).

Они приходятся России необходимости уделять реформам внимание учитывать экономические экономические эпохи и предлагать бреже чем реа-

Сегодня все чении экономических принятых для переходном процессе трансформации предотвратить очевидна всем центральным DSGE ферийное значение значимость банковской трансформации способствовала всему¹¹. Однако опытных руках¹², способы наличные доллары банковские займы прибыль в секторе не способен или могут играть роль займов (как был

Впрочем, бывшие на экономику банковской системы превратить эту (Abel, Bonin, 1995) вести к необходимости на которую берутся Плохие займы кризису (как в

¹⁰ Ф. Кюлланд в концепции DSGE «Поскольку главную причину неравенства, интuit капитализма, хотя он оказался полезен в качестве исключения».

¹¹ Исключение — Одного из ведь чувствует ли он вину что те, кто был так г

Они приходят к выводу (С. 75–82), что при реформировании России необходимо меньше заимствовать за рубежом и больше внимания уделять реформам, которые соответствуют российским условиям, учитывать экономическое и социальное поведение акторов, проводить экономические эксперименты, организовывать общественные дискуссии и предлагать больше различных вариантов проводимой политики, прежде чем реализовать один из них.

Банки и финансовая неустойчивость

Сегодня все осознают ключевую роль банковской системы в обеспечении экономической стабильности, экономического роста и мер, предпринятых для повышения финансовой устойчивости. Роль банков в переходном процессе была хорошо освещена в академической литературе о трансформации (см., например: Bonin, Schnabel, 2011). Необходимость предотвратить дестабилизацию экономики, рецессию или депрессию очевидна всем центральным банкам и банковским регуляторам. Хотя в модном DSGE-подходе к макроэкономике¹⁰ банки имеют лишь периферийное значение, мировой экономический кризис продемонстрировал значимость банковской системы в рыночной экономике. Но в дискуссии о трансформации необходимость создания банковской системы, которая способствовала бы экономической стабильности и росту, осознали не все¹¹. Однако опыт вскоре показал, что банки, если они находятся в честных руках¹², способны надежнее сохранить финансовые ресурсы, чем наличные доллары, наличная местная валюта или материальные активы. Банковские займы могут сыграть важную роль в инвестициях (если прибыль в секторе недостаточно высока и/или если рынок капитала не способен или не желает предоставлять финансирование). Они также могут играть положительную роль в реструктуризации просроченных займов (как было в начале 1990-х годов в Польше).

Впрочем, банки могут оказать существенное негативное воздействие на экономическое развитие. Недостаточность средств внутри банковской системы и финансовые потребности государства могут превратить эту систему в средство отвлечения денег от инвестиций (Abel, Bonin, 1993). Плохие займы, выданные банками, могут привести к необходимости рекапитализации банков государством, деньги на которую берутся из бюджета (так было в Венгрии в 1990-х годах). Плохие займы также могут привести к глубокому экономическому кризису (как в Болгарии в 1996–1997 гг.). Неэффективное управ-

¹⁰ Ф. Кюдланд и Э. Прескотт (Kydland, Prescott, 1996. P. 83) указали на то, что в концепции DSGE «эмпирическое знание сосредоточено вокруг предпочтений и технологий». Поскольку главную роль в капитализме играют фирмы, деньги, государство, рынок и наследуемое неравенство, интуитивно кажется, что общеравновесный подход едва ли адекватен сути капитализма, хотя предпочтения и технологии также имеют значение. Однако этот подход оказался полезен в качестве упражнения для студентов и создания рабочих мест для экономистов.

¹¹ Исключение см. в: Brainard, 1991.

¹² Одного из ведущих российских «банкиров» после финансового кризиса 1998 г. спросили, чувствует ли он вину перед вкладчиками, которые потеряли деньги в его банке. Он ответил, что те, кто был так глуп, чтобы доверить ему деньги, сами виноваты в своих потерях.

M. Эллман

ление банками и недостаточный надзор могут обусловить банковские кризисы (так случилось в странах Балтии и в Чехии в 1990-е годы). Общей проблемой остаются мошеннические инвестиции (часто по схеме Понци), которые в Албании даже привели к национальному восстанию.

Решением этой проблемы может быть передача национальной банковской системы зарубежным банкам. Подразумевается, что банковская система получит надежную основу, поскольку зарубежные банки, как кажется, разбираются в том, как работает рыночная экономика, и станут вести дела осторожно и разумно. Но этот путь привел к новым проблемам. Зарубежные банки, заинтересованные в росте рыночной доли и в сведении своих балансов, иногда давали большие ипотечные займы, номинированные в иностранной валюте. Они сначала казались привлекательными для потребителей из-за низких процентных ставок. Но если национальная валюта обесценивалась быстрее той, в которой был номинирован заем, как произошло в Венгрии, то владельцы имущества обнаруживали, что их долги и процентные платежи растут, а доходы после выплаты процентов падают, то есть им угрожало банкротство. Более того, когда после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. от зарубежных банков стали требовать уменьшить финансовый рычаг, они стали давать меньше кредитов своим отделениям в Центральной и Восточной Европе или даже вовсе уходили из этого региона, что препятствовало экономическому росту.

Значение структурных и индивидуальных страновых факторов в экономической политике

Очевидно, что без продуманной экономической политики невозможен рост. Примером может служить вполне успешная политика «открытых дверей», проводившаяся в 1990-е годы в Китае. Но она оказалась успешной благодаря многим структурным факторам — существованию среди предпринимателей большой китайской diáспоры, готовой инвестировать в Китай; большой морской границы, дающей доступ к мировому рынку; уровня развития, дающего возможности для «низкого старта»; неограниченных запасов труда (Lewis, 1954) и достаточно эффективной политической системы. Страна, не обладающая этими факторами, например не имеющая доступа к морю — центральноазиатская страна вроде Киргизии, вряд ли так же выиграет от политики открытых дверей. Тем не менее международные экономические организации обычно рекомендуют одни и те же политические меры и ожидают, что если они будут приняты, то сработают одинаково во всех странах¹³. Однако они не учитывают важных структурных различий между странами.

¹³ Всемирный банк признает, что рекомендованные им политические меры не привели к ускорению экономического роста, ссылаясь на исследования, в которых утверждается, что рост зависит главным образом от истории и шоков (Yusuf, 2009. P. 55). На той же странице автор признает, что государственные инвестиции доминировали во многих демонстрировавших быстрый рост странах Азии. Тем не менее Всемирный банк, который знает много случаев неэффективных общественных инвестиций, считает этот пример не привлекательным, а скорее рискованным и не заслуживающим рассмотрения.

Например, в новый план, поддер заключил, что «у ного роста в сред странах программ различными реги ускорила распад 1

Чтобы про структурные фах, которые со Существенную политика, разме роль сельского : Заслуживает в ским политикам осторожнее и в странам Центра

Переходны говли и частно принимателей продукты и пр работодателей. Но повышени предприятий, в мере, в краткос (2009) приходи выплению экон на тщательном в котором сдел промышленных висело в основе (С. 469) также ции были край российской при

¹⁴ На это давно китайских политикс

¹⁵ Результаты капитала. В работе период и в некоторы данные, чтобы полу коэффициентов пе можно объяснить «и в промышленности, повысит измеряем приватизации.) Бол как таковой и макр было результатом н

банковские 90-е годы). Сто по схеме восстанию.циональной что банков- кные банки, экономика, вел к новым и рыночной ипотечные е та казались гных ставок. й, в которой дельцы иму- же растут, ожало банк- ю кризиса ѿншить фи- отделениям или из этого

иже

ики невозможна «открытия» на оказалась существованию этой инвестиции к мировому кого старта»; ю эффектив- тская страна ткрытых дви- ации обычно что если они . Однако они анами.

меры не привели тверждается, что той же стране монстрировавших много случаев гельным, а скорее

Например, в декабре 1989 г. Югославия приняла радикальный стабилизационный план, поддержанный МВФ. Сначала все шло хорошо, и в апреле 1990 г. МВФ заключил, что «у Югославии хорошие перспективы для устойчивого неинфляционного роста в среднесрочной перспективе» (IMF, 1990. P. 127). Хотя в некоторых странах программа могла сработать, в условиях напряженности и недоверия между различными регионами страны реализация программы стала невозможной и лишь ускорила распад государства.

Чтобы проводить эффективную политику, недостаточно учитывать структурные факторы, нужно также помнить о тех индивидуальных чертах, которые создают возможности для экономического роста и развития. Существенную роль играют географическое расположение, демография, политика, размер страны, болезни, войны, достигнутый уровень развития, роль сельского хозяйства и степень неравенства (см. также: Rodrik, 2007). Заслуживает внимания и тот факт, что в своих рекомендациях китайским политикам международные финансовые организации были гораздо осторожнее и внимательнее к локальным условиям, чем в рекомендациях странам Центральной и Восточной Европы и СНГ в 1990-е годы¹⁴.

Приватизация

Переходные страны многое выиграли от легальной частной торговли и частной собственности на средства производства. Для предпринимателей это стало возможностью выводить на рынок новые продукты и производственные процессы, а для рабочих — выбирать работодателей. Увеличился ассортимент доступных товаров и услуг. Но повышения эффективности от приватизации государственных предприятий, которого ждали экономисты, не произошло, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Либеральный экономист Е. Ясин (2009) приходит к выводу, что в России приватизация не привела к повышению экономической эффективности. Этот вывод отчасти основан на тщательном эконоометрическом исследовании (Brown et al., 2006)¹⁵, в котором сделан вывод, что влияние приватизации государственных промышленных предприятий на эффективность было различным и зависело в основном от того, был ли новый владелец иностранцем. Ясин (С. 469) также пришел к выводу, что доходы государства от приватизации были крайне невелики, и еще и по этой причине назвал результаты российской приватизации крайне неудовлетворительными (см. также:

¹⁴ На это давно указывал П. Нолан (Nolan, 1995. P. 174). Причину он видит в уверенности китайских политиков в своих целях.

¹⁵ Результаты этого исследования по России очень зависят от способа оценки запасов капитала. В работе используются данные за 1985–2002 гг. Поскольку это инфляционный период и в некоторые годы инфляция была очень высокой, необходимо пересчитать имеющиеся данные, чтобы получить ряды в постоянных ценах (2002 г.). Использованием некорректных коэффициентов переоценки (например, в результате недооценки обесценения валюты) можно объяснить «порой ставящие в тупик» (Р. 67) всплески в российском запасе капитала в промышленности, которые показаны в приведенных данных. (Их понижение автоматически повысит измеряемую производительность и, следовательно, увеличит эффективность приватизации.) Более того, в работе не сделано попыток разграничить эффект приватизации как таковой и макроэкономической ситуации. Падение выпуска в России после приватизации было результатом не только приватизации и, может быть, даже не связано с ней.

М. Эллман

(Yusuf, 2009). В некоторых странах приватизация привела к резкой поляризации общества, расколотого на обладающее политическими связями богатое меньшинство и бедное большинство. Именно этим можно объяснить распространенную ностальгию по старой системе.

Неоднозначные результаты приватизации и неадекватность МВФ, Всемирного банка и прочих советников, горячо рекомендовавших ее в начале процесса трансформации, полностью признал Всемирный банк.

«Немногие предсказали, какой сложной будет приватизация в переходных экономиках, и как несправедливо распределятся ее результаты. Продажи инсайдерам по заниженным ценам, „обдиранье“ активов привели к тому, что многие государственные активы оказались в руках тех, у кого были связи во власти, что имело долгосрочные последствия для распределения доходов и активов. Слабые способности управляющих, ограниченная конкуренция и неэффективное регулирование работали против ожидаемых позитивных изменений. А неизбежное сопротивление со стороны привилегированных кругов и отсутствие платежеспособных частных покупателей привели к тому, что многие активы остались в государственной собственности, как было в Китае, России и странах СНГ. По сути, приватизация была и остается хорошей идеей, особенно в отношении промышленных предприятий. Но ее темпы, последовательность и регулирование были не слишком хорошо продуманы в начале 1990-х годов. Риски недооценивались, и на плечи молодых правительств и западных консультантов легла задача создания рабочей регулирующей инфраструктуры. Преодолеть препятствия в создании самостоятельного и эффективного регулирования оказалось крайне затруднительно как в развивающихся, так и в развитых странах, что привело к неоднозначным результатам приватизации в промышленности» (Yusuf, 2009. Р. 73).

Приватизацию часто обсуждали исключительно в терминах передачи в частные руки уже существующих государственных предприятий, в то время как крайне важным оказалось развитие *новых* предприятий. Исследования таких предприятий в восьми странах с переходной экономикой показали, что «хотя переходный период создал множество проблем... особенно на ранней стадии трансформации в части слабой институциональной среды, колебаний в регулировании, излишнего государственного вмешательства, коррупции и т. п., он также стал источником возможностей для инноваций, развития бизнеса и роста, не имеющих precedента в зрелых рыночных экономиках» (Aidis, Welter, 2008. Р. 8).

Однако лишь немногие из новых частных предприятий были предпринимательскими (по Шумпетеру). Тщательный анализ сектора малого предпринимательства в Венгрии, Словакии и Чехии показывает, что заслуживают внимания как быстрый рост числа новых предприятий и доля занятой на них рабочей силы, так и множество негативных сторон этого процесса (низкий уровень накопления, низкая капиталоемкость и старые технологии, сегментация экономики, отсутствие сотрудничества и связанных с ним общественных благ, рост неформального сектора) (Rona-Tas, 2001). Многие из тех, кто работает в новом секторе частного малого предпринимательства, потеряли работу в государственном секторе, а теперь занимаются тем же самым, но уже как самозанятые. Эти люди беспокоятся о том, как выжить, а не создают Apple, Google или Microsoft. Многие из них нашли экономический климат переходных стран неблагоприятным и уехали в более дружелюбные к предпринимателям США или Израиль.

Более того, предприятия и дровать, не учтыв государственные предприятия да приватизация и рыночных цен) стоимость — при самозанятости, вокупная произв

Существенной хоздства. В больш системы государстве в соответствии с ре результат сильно от местные реформатор конец дефициту (пол благодаря отказу от хозяйств (которые б сектора семейных ф

Дефицит дейст в результате падения ления от «неэффекта» обычно не рос, а пада охватывать политичес Семейные фермы при К 1995 г. в бывшей Г сравнению с крупны мерство остается мар через 17 лет после 1 давали крупные хозя это для выживания и западным советнико превращение старых

Помимо неопр результатах. В ста искусственные удоб ли эти товары оказа Поэтому во многих в России) и возросл и машин была экон часть представляла условий сельского х выживания — внов особенно в странах устойчивость стары важность социальн в деревенских райо

¹⁶ См.: Ellman, 2

¹⁷ Всемирный ба 40% сельскохозяйств в 2009 г., лишь 20% с

¹⁸ Пример см. в

ла к резкой политически-
чески-
иленко этим
й системе.
юсть МВФ,
ловавших ее
ирный банк.

в переходных
дажи инсайдер-
о многие госу-
сти, что имело
ые способности
зание работали
ние со стороны
х покупателей
твенности, как
тается хорошей
емпы, последо-
в начале 1990-х
адных консуль-
ты. Преодолеть
ания оказалось
ах, что привело
uf, 2009. Р. 73).

в терминах
иенных пред-
витие новых
ьми странах
ий период со-
ансформации
гулировании,
т. п., он так-
тия бизнеса
экономиках»

сиятий были
иализ сектора
Чехии пока-
числа новых
и множество
спления, низ-
я экономики,
ых благ, рост
, кто работает
отеряли рабо-
же самим, но
выжить, а не
шли экономи-
ехали в более

Более того, в советах немедленно продавать государственные предприятия и дать новым владельцам возможность их реструктурировать, не учитывалось, что часто была возможна реструктуризация государственных предприятий, а продажа реструктуризованных предприятий дала бы казне гораздо больше. Кроме того, быстрая приватизация и закрытие неприбыльных (с точки зрения мировых рыночных цен) предприятий — даже если они создают добавленную стоимость — привела к существенной явной и скрытой (например, при самозанятости в сельском хозяйстве) безработице, из-за чего совокупная производительность упала, а не выросла, как ожидалось.

Существенной мезоэкономической проблемой была приватизация сельского хозяйства. В большинстве стран реформаторы получили в наследство от старой системы государственное сельское хозяйство, которое они пытались реформировать в соответствии с рекомендациями международных финансовых организаций. Но результат сильно отличался от ожидаемого¹⁶. Западные советники (и некоторые местные реформаторы) предполагали, что сельскохозяйственная реформа положит конец дефициту (потому что уйдут неравновесные цены), приведет к росту выпуска (благодаря отказу от неэффективной коммунистической системы), коллапсу крупных хозяйств (которые больше не будут получать политическую поддержку) и созданию сектора семейных ферм (что естественно для рыночной экономики).

Дефицит действительно исчез, но отчасти из-за снижения внутреннего спроса в результате падения реальных доходов, а отчасти из-за роста импорта. После избавления от «неэффективной коммунистической системы» выпуск в сельском хозяйстве обычно не рос, а падал. Крупные хозяйства не исчезли после того, как им перестали оказывать политическую поддержку, напротив, они оказались весьма устойчивыми. Семейные фермы прижились не везде и существовали наряду с крупными хозяйствами. К 1995 г. в бывшей ГДР семейные фермы не имели преимуществ в эффективности по сравнению с крупными хозяйствами (Mathijs, Swinnen, 2001). В России семейное фермерство остается маргинальным явлением и после двух десятилетий реформ. В 2009 г., через 17 лет после распада СССР, 45% выпуска российского сельского хозяйства давали крупные хозяйства, 47% — домохозяйства (значительная часть которых делает это для выживания или бартера) и лишь 8% — мелкие семейные фермы, казавшиеся западным советникам «естественными»¹⁷. В некоторых регионах России происходит превращение старых колхозов в нечто похожее на латиноамериканские асьенды¹⁸.

Помимо неоправдавшихся ожиданий, было несколько важных неожиданных результатов. В старой системе использовались машины и химикаты (например, искусственные удобрения, пестициды). В результате ухудшения условий торговли эти товары оказались не доступны новому «рыночному» сельскому хозяйству. Поэтому во многих странах возродились доиндустриальные технологии (лошади в России) и возросла трудоемкость. Хотя часть снижения в потреблении химикатов и машин была экономически рациональна и привела к росту производительности, часть представляла собой технический регресс вследствие плохих финансовых условий сельского хозяйства. Доиндустриальное явление — сельское хозяйство для выживания — вновь стало повсеместным. Крайне важным в сельском хозяйстве, особенно в странах СНГ, стал бартер. Другим неожиданным результатом оказалась устойчивость старых форм и сетей. Колхозы и совхозы не исчезли. Сохранили свою важность социальные сети, унаследованные от прежнего режима. Старые связи в деревенских районах давали возможность людям помогать друг другу.

¹⁶ См.: Ellman, 2003b. Р. 1–2, а также: Bezemer, 2001 и Visser, 2008.

¹⁷ Всемирный банк (World Bank, 1992. Р. 77) предсказывал, что к концу 1995 г. более 40% сельскохозяйственных угодий будет обрабатываться частным образом. Спустя 14 лет, в 2009 г., лишь 20% обрабатывали индивидуалы или семейные фермы.

¹⁸ Пример см. в работе А. Никулина (2002).

М. Эллман

Эти различия между рекомендациями и ожиданиями, с одной стороны, и результатами реформы сельского хозяйства — с другой, показывают, как мало реформаторы и их советники (как отечественные, так и зарубежные) знали о сельском хозяйстве и деревенском обществе, об их реакции на изменения. Более того, они ясно показали, что для многих реформаторов идеология была важнее знания. Не учитывались: неспособность многих местных властей обеспечить услуги, которые ранее оказывали большие фермы¹⁹; недостаток производственных связей с потребителями и поставщиками, необходимость развивать их, время и ресурсы, которые это займет; неделимость многих фермерских активов; география; особенности отдельных растительных культур и животных; предпочтения местного населения.

«Поводом для приватизации ферм был предполагаемый рост экономической эффективности, но „аргумент от эффективности“ стал лишь предлогом для мотивированной идеологически приватизации в политических интересах. Со временем постсоветский режим в России от вопроса: „Как сделать сельское хозяйство более производительным и эффективным?“ перешел к вопросу: „Как разрушить те сельскохозяйственные институты, которые неприемлемы с идеологической точки зрения?“. Поскольку совхозы и колхозы представляли собой осколки сталинской эпохи, идеологически они были неприемлемы. Лишь с реализацией „морального императива“ уничтожить их российское сельское хозяйство смогло бы сбросить оковы советской истории» (Wegren, 1998. P. 112–113).

Значение социальной политики

В результате трансформации резко ухудшилась социальная ситуация в отдельных странах (особенно в СНГ, Румынии и Болгарии), что выразилось в обнищании, сокращении занятости, росте безработицы и неравенства, ухудшении качества общественных благ и неравномерности в их предоставлении, в криминализации и росте коррупции, ухудшении таких социальных индикаторов, как продолжительность жизни или посещаемость школ (Ellman, 2000a; 2000b). Это было тем более прискорбно для Всемирного банка, выдававшего политические рекомендации, но официально призванного бороться с бедностью.

В результате стало очевидно, что особое внимание следует уделять именно социальной сфере. К сожалению, ни в России, ни в Китае советы Всемирного банка в отношении пенсий не привели к успеху. Через 20 лет после начала пенсионной реформы становится ясно, что она не дала ожидаемых результатов (Фомин, 2011). Отчисления работодателей на социальное обеспечение едва покрывали половину солидарных выплат (отчасти потому, что все старались от них уклониться), так что примерно половину приходилось доплачивать из налогов. Накопительная часть управлялась не частными инвестиционными компаниями, а большинство населения отдавало деньги в государственный пенсионный фонд. Из-за неблагоприятных условий (высокая инфляция и экономические кризисы в 1998 и 2008–2009 гг.) она принесла своим владельцам от-

рицательную рецензию на пенсионной системе. Пенсионный возраст снижением в отличие от коэффициента заслуг

В Китае пенсии от частного сектора, поэтому введение национализации социальных услуг 1990-х годов раскрыло различий между различными типами занятых с городской регистрацией: система охватывала выплаты по социальным выплатам, из того, сбережения и еще больше увеличились

Похожим образом в России в 1990-х годах не достигли. В медицинской сфере не улучшилось и в их качестве

Экономика

Теория обмена, Г. Таллоу, мической ренты как источник ограничив пр

²⁰ В 2004–2008 годах средняя реальная доходность инвестиционных фондов в год (Фомин, 2011)

²¹ Ширяева (2008) 2,5% ВВП. Большинство пенсионного возраста – досрочных пенсий мужчин и 52 – д

чиновниками, но из пенсий для тех, кто (С. 86), реализовав

²² Отношение

²³ Низкий коэффициент доходов. Если исключить

¹⁹ В 1992 г. Всемирный банк (World Bank, 1992. P. 11) утверждал, что «реструктуризация ферм потребует передачи квазиправительственных и социальных функций от государства и колхозов к региональным или муниципальным властям». Спустя десять лет Никулин (2002. С. 363) показал, почему это было невозможно. В цивилизованных странах общественные услуги в сельской местности (например, школы, дороги, клиники, магазины) должны предоставлять местные власти и кооперативы. Организации такого типа, обладающие реальной властью и ресурсами, в настоящее время в сельских регионах России отсутствуют.

8. «Вопросы экономики»

оны, и резуль-
татом реформаторы
в ком хозяйстве
и ясно показа-
ли, что учитывались:
нее оказывали
ти и поставщи-
ки; неделимость
льных культур

экономической
ситуации для моти-
вации. Со временем
воздействие более
важно было не сельско-
хозяйческого зерна?». «
Во времена эпохи, идео-
логии императива»
жизни советской

рицательную реальную доходность²⁰. Основной проблемой российской пенсионной системы был не ее солидарный характер, а очень низкий пенсионный возраст (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин с понижением в отдельных регионах и для отдельных профессий²¹), увеличивать который было крайне непопулярной мерой, и очень низкий коэффициент замещения²², который очень невыгодно повышать²³.

В Китае пенсионные фонды также испытывали затруднения и со сбором пенсий от частного сектора, и с тем, чтобы заработать положительную реальную доходность, поэтому вкладываться в них было невыгодно. Там главной проблемой для введения национальной пенсионной системы были существенные различия в доходе и социальных условиях между городом и деревней. Поэтому пенсионные реформы 1990-х годов распространялись только на горожан. Но и они были затруднены из-за различий между регионами страны, типами нанимателей (в государственном секторе, во внутреннем частном секторе, в секторах, куда вложены иностранные инвестиции) и типами занятых (на постоянной или временной основе, полностью или неполностью, с городской регистрацией или без нее). По-видимому, в 2004–2005 гг. пенсионная система охватывала лишь 50% занятых в городах (Frazier, 2006. P. 48). Кроме того, выплат по социальному обеспечению оказалось недостаточно для покрытия солидарных выплат, из-за чего пришлось доплачивать из налоговых поступлений. Более того, сбережения из накопительной части обычно тратились местными властями, что еще больше увеличивало их задолженность.

Похожим образом введение обязательного медицинского страхования в России в 1993 г., одобренное и поддержанное западными «экспертами», не достигло своих целей (Davis, 2001; Ольховский, Тихонов, 2010). В медицинской системе не стало больше средств; здоровье населения не улучшилось; неравенство в предоставлении услуг здравоохранения и в их качестве не исчезло.

Экономическая рента, ее плюсы и минусы

Теория общественного выбора, связанная с именами Дж. Бьюкенена, Г. Таллока и других, правильно указывала на важность экономической ренты. Но ренту ее приверженцы описывали прежде всего как источник социальных издержек, с которым нужно справиться, ограничив произвольные действия чиновников и расширив сферу действия рыночных сил. Трансформация показала, что это лишь одна

²⁰ В 2004–2010 гг., когда имели место финансовый кризис и восстановление, в России средняя реальная доходность накопительных пенсионных активов под управлением государственных инвестиционных управляющих составила –0,44% в год, а у частных управляющих –0,17% в год (Фомин, 2011. С. 88).

²¹ Ширяева (2012. С. 85) утверждает, что выплаты досрочных пенсий в 2010 г. составили 2,5% ВВП. Большинство получателей таких пенсий продолжают работать вплоть до нормального пенсионного возраста. Согласно одной из оценок (см.: Фомин, 2012. С. 15) из-за существования досрочных пенсий средний возраст при первом получении пенсии составляет 54 года для мужчин и 52 – для женщин. Повышение пенсионного возраста постоянно обсуждается чиновниками, но из-за непопулярности этой меры ничего не делается. Возможность ликвидации пенсий для тех, кто продолжает работать, обсуждается в литературе. Но, как отмечает Ширяева (С. 86), реализовать эту меру будет трудно из-за высокой занятости в неформальном секторе.

²² Отношение доходов новозаселенного к доходам безработного. — Примеч. пер.

²³ Низкий коэффициент замещения отчасти является следствием высокого разброса доходов. Если исключить самый высокий сегмент, коэффициент получится ниже.

M. Эллман

сторона медали. Экономические ренты также могут быть ценностями ресурсами и расходоваться на важные социальные проекты.

И в России, и в Китае дискреционные решения чиновников создали значительные экономические ренты. Отчасти эти ренты были потрачены коррумпированными чиновниками на личное потребление и иностранные инвестиции, но часть была направлена на цели социального и экономического развития. В Китае провинциальные/муниципальные/местные власти оценивались прежде всего по результатам экономического развития своих регионов. Это привело к быстрому развитию регионов, что обеспечило китайский экономический рост²⁴. Кроме того, экономические ренты укрепили государство. Чиновники использовали их для реализации проектов, которые иначе не были бы реализованы. Более того, они обеспечили социальную основу для всего процесса реформ: возник союз чиновников, получающих личную выгоду от экономического развития, фирм, выигрывающих от рент, рабочих, получающих рабочие места, и адресатов дополнительных социальных выплат.

Часто спрашивают, как Китай может одновременно иметь такие плохие показатели коррупции по индексу Transparency International и такое хорошее управление. Ответ очевиден: преуспевание Китая как раз и создает возможности для массовой коррупции. Таким образом, успешная борьба с коррупцией может подорвать как экономическое развитие, так и основу реформы. Но коррупция создает широкую народную оппозицию властям, которая может сыграть свою роль в будущем (Ngo, 2008. P. 42).

Ограничность традиционных рекомендаций

Начальный период трансформации в Восточной Европе ознаменовался многочисленными рекомендациями со стороны отдельных экономистов и международных организаций (подкрепленных займами и, в некоторых случаях, реструктуризацией долгов, а также поддержкой экспортных кредитов и финансового сектора). Иногда советы были полезными, и следование им помогло снизить долги, увеличить экспорт и создать финансовый рынок, но чаще оказывались неправильными (Gomulk, 1995; Ellman 2003a. P. 191–196). Во многом из-за них в польской экономической программе января 1990 г. и в российской программе января 1992 г. была недооценена «корректирующая» инфляция. В конце 1991 г. в МВФ предполагали, что в результате либерализации цен инфляция в январе 1992 г. составит 50%. Министерство финансов оценивало ее в 100%, министерство экономики в 200%, а на самом деле — 245%. «Традиционное» министерство экономики (бывший Госплан) оказалось куда точнее «научного» МВФ, который недооценил и глубину спада в Польше в 1990 г. В любом случае предлагаемые МВФ политические меры казались гораздо более привлекательными, чем на самом деле. Более того, изначальная установка — уровень инфляции меньше 1% в месяц есть необходимое условие перехода к рынку — оказалась невер-

ной. Аналогично оказалась доро Давление в обл ное на Россию и считают его «са России» (Stone, в 1997–1998 гг. | экономический | государственной | социалистически | оказалось ложн | ным, если бы э | долгий период с | обходим: наприм | 10%. В данных |

В 1993 г. В гал правительст производство у сектора, и к 199 | На самом деле | ванная узбекск в развитии про | годов среди все | приятной конъ | падения в дохо | благ и сетей соц | Cornia, 2005. Р. | в Узбекистане г | (особенно хлоп |

Чем вызван ческая теория — Во-вторых, хотя на самом деле м политики вноси низации и экон | всего на модель

Одна из пр мы знаем, соста жаемые в проф

²⁴ Обсуждение:

²⁶ Польша пред макроэкономической макроэкономической меньшей мере странн Не была быстрой и п

²⁷ Эту мысль в ная составляющая : экспериментальная : Сотрудничество с ис плодотворными в час

²⁴ В качестве примера можно привести Куньшаньскую зону экономического и технического развития рядом с Шанхаем (Ellman, 1998).

ть ценностями. Текущие реформы создали и потрачены и иностранного и эколого-местного экономического ио регионов, яго, экономики вали их для ваны. Более есса реформ: экономически получающих выплат.

ть такие пло-
tional и такое
как раз и соз-
юм, успешная
развитие, так
ю оппозицию
2008. Р. 42).

ий

ознаменовал-
к экономистов
, в некоторых
и экспортных
и полезными,
орт и создать
ли (Gomulka,
польской эко-
рамме января
конце 1991 г.
цен инфляция
оценивало ее
еле — 245%.
ан) оказалось
лубину спада
политические
а самом деле.
и меньше 1%
азалась невер-

ого и технического

ной. Аналогично, изначальная поддержка рублевой зоны в 1991—1992 гг. оказалась дорогостоящей для России и политически невозможной²⁵. Давление в области либерализации счета движения капитала, оказанное на Россию в 1997 г., внесло свой вклад в кризис 1998 г., некоторые считают его «самой большой тактической ошибкой МВФ в отношении России» (Stone, 2002. Р. 147—148). А поддержка обменного курса рубля в 1997—1998 гг. со стороны МВФ оказалась неблагоприятное воздействие на экономический рост, привела к оттоку капитала и потребовала введения государственной схемы Понци. Изначальное предположение о том, что социалистические предприятия будут работать по рыночным принципам, оказалось ложным. Желание быстро снизить инфляцию было бы разумным, если бы это было возможно без слишком высоких издержек. Но долгий период снижения инфляции до нормального уровня оказался необходим: например, у Польши ушло десять лет на то, чтобы снизить ее до 10%. В данных условиях постепенная стабилизация была бы уместнее²⁶.

В 1993 г. Всемирный банк (World Bank, 1993. Р. XI) предостерегал правительство Узбекистана, что в отсутствие комплексных реформ производство упадет из-за ограничений предложения и иностранного сектора, и к 1997 г. потребление на душу населения снизится на 30%. На самом деле постепенная трансформационная программа, реализованная узбекским правительством, стала одной из самых успешных в развитии производства и потребления в начале и середине 1990-х годов среди всех стран СНГ (отчасти этот результат связан и с благоприятной конъюнктурой на внешних рынках): «Удалось избежать падения в доходах и в предоставлении необходимых общественных благ и сетей социальной поддержки во многих странах СНГ» (Saidova, Cornia, 2005. Р. 87). Одной из причин такого успеха стало сохранение в Узбекистане государственного контроля над природными ресурсами (особенно хлопком и золотом) и отказ от их приватизации.

Чем вызваны эти ошибки в рекомендациях? Во-первых, экономическая теория — это сочетание науки и идеологии (Backhouse, 2010)²⁷. Во-вторых, хотя различных знаний в экономической теории много, но на самом деле мы мало что знаем. В-третьих, субъект осуществления политики вносит свои корректировки. В-четвертых, международные организации и экономическая наука мейнстрима ориентировались прежде всего на модель США.

Одна из причин разрыва между тем, что написано, и тем, что мы знаем, состоит в том, что экономисты — особенно наиболее уважаемые в профессии — знают о своих моделях гораздо больше, чем

²⁵ Обсуждение этого вопроса см. в: Symposium, 2002.

²⁶ Польша представляется некоторым авторам «ярким примером выгод от быстрой макроэкономической стабилизации» (Stone, 2002. Р. 114). Учитывая постепенный процесс макроэкономической стабилизации в Польше в 1990-е годы, это заявление можно счесть по меньшей мере странным. Польская стабилизация была успешной, но она не была «быстрой». Не была быстрой и приватизация государственных предприятий.

²⁷ Эту мысль высказала Дж. Робинсон (Robinson, 1962. Р. 25). Но с тех пор научная составляющая экономической науки сильно выросла в объеме (теория аукционов, экспериментальная экономика, поведенческая экономика, теория финансовых кризисов). Сотрудничество с психологией и крахом неолиберальной парадигмы представляются особенно плодотворными в части создания новых идей.

о реальности (Caballero, 2010). В результате предположения, истинные в модели, они путают с теми, которые верны для реального мира. Ярким примером невежества экономистов, существующего несмотря на десятилетия создания различных моделей, служит экономика развития и ее приложение к политике. Взять хотя бы попытки Всемирного банка использовать экономику развития для стимулирования роста в кратко- или среднесрочной перспективе.

«Интеллектуальная трагедия 30 лет отчетов о всемирном развитии (WDR) состоит в том, что в них никогда не учитывались непредсказуемость и неопределенность экономического роста в краткосрочной и среднесрочной перспективе. В WDR делаются попытки найти способы стимулировать рост, но у экономистов нет знаний об этом. Они пытаются объяснить краткосрочные колебания роста, когда нет данных для объяснений. В итоге они содержат множество простых эвристических ошибок по поводу случайности (вроде тех, о которых писали Канеман и Тверски), часто ходят по кругу и оказываются не способны сказать нам что-то о том, как справиться с неопределенностью и обеспечить развитие в долгосрочном периоде» (Easterly, 2009. Р. 131).

Неосведомленность экономистов была особенно очевидна в начале переходного периода, потому что быстрое создание рыночной экономики и демократической политики из командно-административной экономики и политической диктатуры не имело исторических прецедентов. Рекомендации можно давать только после того, как мы хорошо поймем, что сработало, а что — нет, и чем вызваны различия между странами. Однако экспертам легче пользоваться абстрактными терминами, предлагать простые правила и внушать уверенность в своей правоте, не имея на то должных оснований (Rodrik, 2010).

Более того, стандартные политические рекомендации смешены в сторону американской системы и пути, по которому США пришли к ней. Отчасти это происходит потому, что МВФ и Всемирный банк располагаются в Вашингтоне и тесно взаимодействуют с американским правительством и финансистами Нью-Йорка. Отчасти потому, что США доминируют в экономической теории мейнстрима: именно там находятся университеты с лучшими экономистами, ведущие журналы, именно там рождаются практические все новые идеи в мейнстриме.

Поэтому сегодня очень актуален китайский опыт политики, основанной исключительно на региональных экспериментах. Это хорошая альтернатива (неэкспериментальному) мейнстриму, в котором эксперименты проводятся на моделях и исходя из них составляются политические рекомендации. Тем более, если выводы из моделей неоднозначны, а локальные эксперименты, напротив, тщательно контролируются и их результаты недвусмысленны.

Впрочем, международные финансовые организации, особенно Всемирный банк, учатся на опыте, понимают свои ошибки и пытаются их исправлять²⁸.

²⁸ В 1993 г. бывший глава восточноевропейского отделения Всемирного банка заявил, что «взятые из учебников рекомендации сослужили не слишком хорошую службу Восточной Европе» (Wijnbergen, 1993. Р. 35). Отчет, подготовленный в 2002 г. отделом оценки операций Всемирного банка, также весьма негативно оценил работу банка (Ellman, 2003а. Р. 195).

Экономичное знание экономической необходимости эффективного государственного институтов, защищенные системы и финансовые консультанты последовательности, добьет также показал приятий разлики — например здравоохранение

Некоторые идею о том, что Китайского монополии похожие на Европы целью политической страны, например СНГ целью было локализовать и создать экономику (особенно с импульсом локализации) достигнуты. В партии и достичь

Трансформации по типу (для переходный двух десятилетий) мичного рынка ресурсах капитализма демократически

Кузьминов Я., Рекомендации выращивания традициональной Yasin E. (2003). Reforms and Leontьев М. (1993). The State and Society in Russia. Никулин А. (2003). Post-Soviet

* * *

Экономическая трансформация чрезвычайно обогатила наше знание экономических явлений. Переходный процесс показал необходимость эффективного и надежного государства и опасность государственного дезертирства. Он также продемонстрировал важность институтов, зависимости от предшествующего развития, банковской системы и финансовой стабильности. Стало ясно, что многие иностранные консультанты не понимали, какими должны быть методы, последовательность и результаты приватизации, особенно в промышленности, добыче природных ресурсов и сельском хозяйстве. Опыт также показал, что эффект от приватизации государственных предприятий различен. Стала очевидной значимость социальной политики — например поддержки и создания рабочих мест, финансирования здравоохранения, образования и трансферных платежей.

Некоторые экономисты и международные организации отстаивают идею о том, что все страны от Балтики и Центральной Европы до Южного Китайского моря являются «странами с переходной экономикой» и у них похожие цели. Но это оказалось иллюзией. У стран Центральной Европы целью было «возвращение в Европу» — развитие демократической политической системы и капиталистической экономики. Некоторые страны, например, Польша или Венгрия, преуспели в этом. В странах СНГ целью было положить конец правлению КПСС и заменить ее правлением локальных элит, обогатить их за счет национальной экономики и создать экономическую систему с существенными элементами рынка (особенно с импортом потребительских товаров). Все эти цели были достигнуты. В Китае целями было сохранить власть Коммунистической партии и достичь экономического роста, что тоже удалось (Pomfret, 1997).

Трансформация также продемонстрировала, что рыночная экономика по типу США не является единственным «пунктом назначения» для переходных экономик, отказавшихся от социализма. После более двух десятилетий трансформации они находятся в спектре от динамичного рыночного социализма (в Китае) и основанного на природных ресурсах капитализма с российскими особенностями (в России) до демократического европейского капитализма (в Центральной Европе).

Перевод с английского Д. Шестакова

Список литературы

- Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А., Ясин Е. (2005). Институты: От заимствования и выращиванию: Опыт российских реформ и возможное культивирование институциональных изменений. М.: ГУ—ВШЭ. [Kuzminov Ya., Radaev V., Yakovlev A., Yasin E. (2005). Institutions: From Borrowing to Fostering. Experience of Russian Reforms and the Possibility of Cultivation of Institutional Change. Moscow: HSE.]
Леонтьев М. (1994). Государство и рынок // Новый мир. № 12. [Leontyev M. (1994). The State and the Market // Novyi Mir. No 12.]
Никулин А. (2002) Кубанский колхоз между холдингом и асьендой: парадоксы постсоветской модернизации южнорусского сельского сообщества // Рефлек-

- сивное крестьяноведение / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН. [Nikulin A. (2002) Kuban Kolkhoz Between Holding and Hacienda: Paradoxes of Post-Soviet Modernization of the Southern Russian Agrarian Community // T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov (eds.). Reflexive Peasant Studies. Moscow: MVShSEN.]
- Оleinik A.* (2011). Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М.: РОССПЭН. [Oleinik A. (2011). Power and the Market: The System of Socio-Economic Domination in the Russia of the “Zero” Years. Moscow: ROSSPEN.]
- Ольховский А., Тихонов С.* (2010). Здравоохранение в России: двадцать лет реформ, которых не было. СПб.: Нестор-История. [Olkovskii A., Tikhonov S. (2010). Russian Healthcare System: Twenty years of Non-existent Reforms. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.]
- Путин В.* (2012). О наших экономических задачах // Ведомости. 30 янв. [Putin V. (2012). On Our Economic Objectives // Vedomosti. Jan. 30.]
- Фомин Д.* (2011). Итоги реформирования и перспективы пенсионной системы России: вместо послесловия // ЭКО. № 3. С. 86–91. [Fomin D. (2011). Results of Reforms and Perspectives of the Russian Pension System: in Place of an Afterword // EKO. No 3. P. 86–91.]
- Фомин Д.* (2012). Старость, экономика, демография. [Fomin D. (2012). Ageing, Economy, Demography // EKO. No 4. P. 5–25.]
- Ширяева Е.* (2012). Реформирование системы досрочных пенсий // ЭКО. № 2. С. 84–88. [Shiriaeva E. (2012). Reforming of the Systems of Early Pensions // EKO. No 2. P. 84–88.]
- Ясин Е.* (2009). Российская приватизация: еще один взгляд // Права собственности, приватизация и национализация в России / Под общ. ред. В. Л. Тамбовцева. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение. [Yasin E. (2009). Russian Privatization: One More Perspective // V. Tambovtsev (ed.). Property Rights, Privatization, and Nationalization in Russia. Moscow: Fond ‘Liberal’naia Missiya’ and Novoe Literaturnoe Obozrenie.]
- Abel I., Bonin J. P.* (1993). State Desertion and Convertibility: The Case of Hungary // I. P. Szekely, D. M. Newbery (eds.). Hungary: An Economy in Transition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Aidis R., Welter F.* (eds.). (2008). The Cutting Edge: Innovation and Entrepreneurship in New Europe. Cheltenham: Elgar.
- Backhouse R.* (2010). The Puzzle of Modern Economics: Science or Ideology? Cambridge: Cambridge University Press.
- Balcerowicz L., Blaszczyk B., Dabrowski M.* (1997). The Polish Way to the Market Economy, 1989–1995 // W. Woo, S. Parker, J. Sachs (eds.). Economies in Transition: Comparing Asia and Eastern Europe. Cambridge, MA: MIT Press.
- Besley T., Persson T.* (2009). The Origins of State Capacity: Property Rights, Taxation and Politics // American Economic Review. Vol. 99, No 4. P. 1218–1244.
- Bezemer D.* (2001). Structural Change in the Post-Socialist Transformation of Central European Agriculture. Amsterdam: Tinbergen Institute.
- Bonin J., Schnabel I.* (2011) The Great Transformation: From Government-Owned to Foreign-Controlled Banking Sectors // Economics of Transition. Vol. 19, No 3. P. 397–405.
- Brainard L.* (1991). Strategies for Economic Transformation in Central and Eastern Europe: Role of Financial Market Reform // B. Blommestein, M. Marrese (eds.). Transformation of Planned Economies: Property Rights Reform and Macroeconomic Stability. Paris: OECD.
- Brancato E.* (2009). Markets versus Hierarchies: A Political Economy of Russia from the 10th Century to 2008. Cheltenham: Elgar.
- Brown, D., Earle J., Telegdy A.* (2006). The Productivity Effects of Privatization: Longitudinal Estimates from Hungary, Romania, Russia and Ukraine // Journal of Political Economy. Vol. 114, No 1. P. 61–99.
- Brunetti A., Kisunko B.* (2005). Rules and Economic Policy Research // Caballero R. J. (2010). Knowledge Synthesis // Chang H. J. (2011). History // Crouch C. (1986). Society in Europe, in J. A. David P. (1985). Crisis in the Vol. 75, No 2. Davis C. (2001). Rethinking Economics, Oxford: Easterly W. (2009). Development Reports' Attempts, 1978–2008 // Eatwell J., Ellman M. (1997). and Integration: The Economic Policy Ellman M. (1998). Transition: The Ellman M. (2000a). Vol. 52, No 8. Ellman M. (2000b). Success // Economics and Economic Ellman M. (2003a). Transformation Lanham: Lexington Books. Ellman M. (2003b). Transformation Lanham: Lexington Books. Ellman M. (2006). Bonanza or Cu Ferraz C., Finan F. the Audits of Latin America, 1274–1311. Frazier M. (2006). Inequality in Latin America, No 1. P. 43–60. Frydman R., Rapach M. (2005). Privatization // Kluwer. Frye T. (2010). Building a Better University Press. Gomulka S. (1995). Principles, Errors and Reforms, No 3. P. 316–336. Grogan L., Moers I. (1995). The Transformation of Post-Socialist Countries Hedlund S. (2005). Abingdon: Routledge. Hedlund S. (2011). How to Understand the Transformation of Post-Socialist Countries // IMF (1990). Yugoslavia Survey. Vol. 1. Intriligator M. (1995). International Economics, 2nd edn.

- Данилова. М.; and Hacienda: Agrarian Com-peasant Studies.
- ого господства Power and the of the “Zero”
- ть лет реформ, нов S. (2010). St. Petersburg:
- янв. [Putin V.
- и системы Рос- (2011). Results of an After-
- 2012). Ageing,
- // ЭКО. № 2. ly Pensions //
- собственности, Т. Тамбовцева. Жизне. [Yasin E. Abotsev (ed.). Moscow: Fond
- of Hungary // ion. Cambridge:
- ntrepreneurship gy? Cambridge:
- to the Market omies in Transi- Press.
- ights, Taxation 18–1244.
- ition of Central
- ment-Owned to Vol. 19, No 3.
- al and Eastern Marrese (eds.). Macroeconomic
- of Russia from f Privatization: tine // Journal
- Brunetti A., Kisunko G., Weder B. (1997). Institutions in Transition: Reliability of Rules and Economic Performance in Former Socialist Countries // World Bank Policy Research Working Paper. No 1809.*
- Caballero R. J. (2010). Macroeconomics after the Crisis: Time to Deal with the Pretense-of-Knowledge Syndrome // Journal of Economic Perspectives. Vol. 24, No 4. P. 85–102.*
- Chang H. J. (2011). Institutions and Economic Development: Theory, Policy and History // Journal of Institutional Economics. Vol. 7, No 4. P. 473–498.*
- Crouch C. (1986). Sharing Public Space: States and Organized Interests in Western Europe, in J. A. Hall (ed.). States in History. Oxford: Blackwell.*
- David P. (1985). Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. Vol. 75, No 2. P. 332–337.*
- Davis C. (2001). Russia's Compulsory Medical Insurance Reform. Department of Economics, Oxford University (unpublished report).*
- Easterly W. (2009). The Indomitable in Pursuit of the Inexplicable: The World Development Reports' Failure to Comprehend Economic Growth Despite Determined Attempts, 1978–2008 // Yusuf (2009).*
- Eatwell J., Ellman M., Karlsson M., Nuti D. M., Shapiro J. (1995). Transformation and Integration: Shaping the Future of Central and Eastern Europe. L.: IPPR.*
- Ellman M. (1997). The Political Economy of Transformation // Oxford Review of Economic Policy. Vol. 13, No 2. P. 23–32.*
- Ellman M. (1998). China's Development Zones – Learning from Their Success // Transition: The Newsletter about Reforming Economies. Vol. 9, No 6. P. 6–7.*
- Ellman M. (2000a). The Russian Economy under El'tsin // Europe-Asia Studies. Vol. 52, No 8. P. 1417–1432.*
- Ellman M. (2000b). The Social Costs and Consequences of the Transformation Process // Economic Survey of Europe. No 2/3, UNECE.*
- Ellman M. (2003a). Transition Economies // H. J. Chang (ed.). Rethinking Development Economics. L.: Anthem.*
- Ellman M. (2003b). Expectations and Reality: Reflections on a Decade of Agricultural Transformation // M. Spoor (ed.). Transition, Institutions and the Rural Sector. Lanham: Lexington.*
- Ellman M. (2006). The Issues // M. Ellman (ed.). Russia's Oil and Natural Gas: Bonanza or Curse? L.: Anthem.*
- Ferraz C., Finan F. (2011). Electoral Accountability and Corruption: Evidence from the Audits of Local Governments // American Economic Review. Vol. 101, No 4. P. 1274–1311.*
- Frazier M. (2006). Pensions, Public Opinion, and the Graying of China // Asia Policy. No 1. P. 43–68.*
- Frydman R., Rapaczynski A. (1997). Corporate Governance and the Political Effects of Privatization // S. Zecchini (ed.). Lessons from Economic Transition, Dordrecht: Kluwer.*
- Frye T. (2010). Building States and Markets after Communism. Cambridge: Cambridge University Press.*
- Gomulka S. (1995). The IMF-Supported Programs of Poland and Russia, 1990–1994: Principles, Errors and Results // Journal of Comparative Economics. Vol. 20, No 3. P. 316–346.*
- Grogan L., Moers L. (2001). Growth Empirics with Institutional Measures for Transition Countries // Economic Systems. Vol. 24, No 4. P. 1–22.*
- Hedlund S. (2005). Russian Path Dependence: A People with a Troubled History. Abingdon: Routledge.*
- Hedlund S. (2011). Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure. Cambridge: Cambridge University Press.*
- IMF (1990). Yugoslavia Launches Bold Reforms to Combat Hyperinflation // IMF Survey. Vol. 19, No 8. P. 124–127.*
- Intriligator M. (1996). Reform of the Russian Economy: The Role of Institutions // International Journal of Social Economics. Vol. 23, No 10/11. P. 58–72.*

- Ito T. (2009). The Evolution of Development Economics and East Asia's Contribution // Yusuf (2009).
- Kornai J. (1994). Transformational Recession: The Main Causes // Journal of Comparative Economics. Vol. 19, No 1. P. 39-63.
- Kuboniwa M. (2012). Diagnosing the 'Russian Disease': Growth and Structure of the Russian Economy // Comparative Economic Studies. Vol. 54, No 1. P. 121-148.
- Kydland F. E., Prescott E. C. (1996). The Computational Experiment: An Econometric Tool // Journal of Economic Perspectives. Vol. 10, No 1. P. 69-85.
- Lewis A. (1954). Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // Manchester School of Economic and Social Studies. Vol. 22, No 2. P. 139-191.
- Mathijs E., Swinnen J. (2001). Production Organization and Efficiency during Transition: An Empirical Analysis of East German Agriculture // Review of Economics and Statistics. Vol. 83, No 1. P. 100-107.
- Monaghan A. (2012). The Vertical: Power and Authority in Russia // International Affairs. Vol. 88, No 1. P. 1-16.
- Ngo T.-W. (2008). Rent-Seeking and Economic Governance in the Structural Nexus of Corruption in China // Crime, Law and Social Change. Vol. 49, No 1. P. 27-44.
- Nolan P. (1995). China's Rise, Russia's Fall: Politics, Economics and Planning in the Transition from Stalinism. Basingstoke: Macmillan.
- North D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press.
- North D. (1993). Institutions and Credible Commitment // Journal of Institutional and Theoretical Economics. Vol. 149, No 1. P. 11-23.
- Ostrom E. (2010). Beyond Markets and States: Polycentric Governance of Complex Economic Systems // American Economic Review. Vol. 100, No 3. P. 641-672.
- Polishchuk L. (1997). Missed Markets: Implications for Economic Behavior and Institutional Change // J. Nelson, C. Tilly, L. Walker (eds.). Transforming Post-Communist Political Economies. Washington, DC: National Academy Press.
- Pomfret R. (1997). Growth and Transition: Why Has China's Performance Been So Different? // Journal of Comparative Economics. Vol. 25, No 3. P. 422-440.
- Popov V. (2012). Russia: Austerity and Deficit Reduction in Historical and Comparative Perspective // Cambridge Journal of Economics. Vol. 36, No 1. P. 313-334.
- Robinson J. (1962). Economic Philosophy. London: Watts.
- Rodrik D. (2007). One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. Princeton: Princeton University Press.
- Rodrik D. (2010). Diagnostics before Prescription // Journal of Economic Perspectives. Vol. 24, No 3. P. 33-44.
- Roland G. (1994). The Role of Political Constraints in Transition Strategies // Economics of Transition. Vol. 2, No 1. P. 27-41.
- Roland G. (2000). Transition and Economics: Politics, Markets, and Firms. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rona-Tas A. (2001). Legacies, Institutions and Markets: Small Entrepreneurship in Hungary, Slovakia and the Czech Republic // J. Beyer, J. Wielgohs, H. Wiesenthal (eds.). Successful Transitions: Political Factors of Socio-Economic Progress in Postsocialist Countries. Baden-Baden: Nomos.
- Rusinova D. (2010). Economic Development and Growth in Transition Countries. Amsterdam: Tinbergen Institute.
- Sachs J. (1993). Poland's Jump to the Market Economy. Cambridge, MA: MIT Press.
- Saidova G., Cornia G. (2005). Linking Macroeconomic Policy to Poverty Reduction in Uzbekistan. Tashkent: Center for Economic Research and UNDP.
- Schmieding H. (1993). From Plan to Market: On the Nature of the Transformation Crisis // Weltwirtschaftliches Archiv. Vol. 129, No 2. P. 216-253.
- Stone R. (2002). Lending Credibility: The International Monetary Fund and the Post-Communist Transition. Princeton: Princeton University Press.
- Symposium (2002). The IMF and the Ruble Zone // Comparative Economic Studies. Vol. 44, No 4. P. 1-84.

Что исследование

- Wijnbergen S. van
Transition. Vo
Visser O. (2008).
Russia. Radbe
Wegren S. (1998).
burgh: Univers
Williamson J. (198
(ed.). Latin A
Institute for I
Williamson J. (199
tive // CEP
Williamson J. (ed.)
Institute for I
World Bank (1992
Agenda for th
World Bank (1993
World Bank.
Xu C. (2011). The
Journal of Ec
Yakovlev A. (2006)
Capture to Bu
Yusuf S. (2009). I
Thirty Years

What
C

Author affiliation
Email: m.j.ell

Basing on e
communist transit
made a useful con
the role of the stat
development were
of privatization, f
reforms were deve
by international c

Keywords: t
JEL: E02, F

Contribution // Journal of Com-
Structure of the
1. P. 121–148.
An Econometric
-85.
r // Manchester
y during Transi-
ew of Economics
// International
uctural Nexus of
No 1. P. 27–44.
Planning in the
rformance. Cam-
of Institutional
ance of Complex
3. P. 641–672.
Behavior and In-
transforming Post-
democracy Press.
rmance Been So
. P. 422–440.
al and Compar-
1. P. 313–334.
nstitutions, and
mic Perspectives.
n Strategies //
irms. Cambridge,
repreneurship in
is, H. Wiesenthal
omic Progress in
ition Countries.
MA: MIT Press.
erty Reduction in
? Transformation
253.
nd and the Post-
conomic Studies.

- Wijnbergen S. van (1993). Enterprise Reform in Eastern Europe // *Economics of Transition*. Vol. 1, No 1. P. 21–38.
- Visser O. (2008). Crucial Connections: The Persistence of Large Farm Enterprises in Russia. Radboud University Nijmegen, PhD Thesis.
- Wegren S. (1998). Agriculture and the State in Soviet and Post-Soviet Russia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Williamson J. (1989). What Washington Means by Policy Reform // J. Williamson (ed.). *Latin American Readjustment: How Much has Happened?* Washington, DC: Institute for International Economics.
- Williamson J. (1992). The Eastern Transition to a Market Economy: A Global Perspective // CEP Occasional Paper. No 2. L.: Centre for Economic Performance.
- Williamson J. (ed.). (1994). *The Political Economy of Policy Reform*. Washington, DC: Institute for International Economics.
- World Bank (1992). Food and Agricultural Policy Reforms in the Former USSR: An Agenda for the Transition. Washington, DC: World Bank.
- World Bank (1993). Uzbekistan: An Agenda for Economic Reform. Washington, DC: World Bank.
- Xu C. (2011). The Fundamental Institutions of China's Reforms and Development // *Journal of Economic Literature*. Vol. 49, No 4. P. 1076–1151.
- Yakovlev A. (2006). The Evolution of Business – State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 57, No 8, P. 1033–1056.
- Yusuf S. (2009). *Development Economics through the Decades: A Critical Look at Thirty Years of the World Development Report*. Washington, DC: World Bank.

What Did the Study of Transition Economies Contribute to Mainstream Economics?

Michael Ellman

Author affiliation: Amsterdam University Business School (Netherlands).
Email: m.j.ellman@uva.nl.

Basing on examples this paper shows that the experience of the post-communist transition, and the policy-related and academic discussion about it, have made a useful contribution to mainstream economics. In particular, such issues as the role of the state and social policy, institutions and banking system in economic development were reconsidered. The new perspectives on the issue of the efficiency of privatization, path dependence, and the role of political elites in institutional reforms were developed. The author shows which of the recommendations provided by international organizations proved to be inadequate and why.

Keywords: transition economies, institutions, reforms.

JEL: E02, F35, O19, P21, P26, P34, P36.